

УЛАНОВА

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ БАЛЕРИНЫ

БИОГРАФЫ тщатся уловить неуловимое. Соревнуются в выборе эпитетов. Блещут эрудицией. Танец исчезает мгновенно. Слово остается надолго. Ее танец оказывается долговечней слова. И не оттого лишь, что есть фильмы. И не оттого, что есть фотографии, а среди них редкие — вроде тех, что публикуются сегодня.

Улановский арабеск. Улановские позы. Руки Улановой. Имя становится нарицательным. Имя отождествляется с представлениями об идеале танца. Магия имени распространяется на поколения исполнителей — тех, кто был на сцене рядом с ней, и тех, кому сегодня посчастливилось у нее заниматься.

Вспомните сегодня в новые версии «Золушки» и «Ромео и Джульетты» — разве не кажутся главные партии созданными для Улановой? Вспомните Девушку в «Геологах», Асият в «Горянке», Асель из одноименного балета — мечта о таких героинях сопутствует всей сценической жизни Улановой.

Для нее нет малого и большого в балете, нет ничего второстепенного. Совершенство исполнения — условие бытия образа, развития характера.

Улановская сдержанность общеизвестна. Почти враждебность к многословию, неприязнь к любителям «пооткровеничать», недоверчивость к похвалам. И — открытые вашему сердцу сердца ее героинь. И ваша вера в подлинность судеб, созданных условнейшим из условных театров — балетным...

Балеринам следующих за ней поколений трудно. Ее чувством меры, ее строгостью проверяется сегодня истинность успеха, ибо успех не создашь печатными дифирамбами. Успех — вещь объективная: он либо есть, либо отсутствует. И если сегодня балетная звезда постарается уверить нас, что стилизация поз в духе романтического балета составляет главную задачу исполнительницы Жизели, что повышенная, доведенная до истерики экзальтация — в природе данного образа, мы не поверим «звезде», ибо помним Уланову и видим, как интерпретируют ту же роль сегодняшние питомцы Улановой. И если сегодня мы говорим о русской исполнительской традиции, о современной традиции прочтения «Жизели» — трудами Улановой эта традиция не пресеклась и возвеличилась.

Уланова и классика. Эти понятия почти тождественны. Недаром ее выпускной, дипломной работой была Шопениана, а дебютом на Ленинградской академической сцене — принцесса Флорина в парадке сказок «Спящей красавицы». А потом — и главная принцесса балета Чайковского. И еще — королева Лебедей — Одетта и только притворяющаяся лебедем Одиллия. И еще — Маша из рождественского «Щелкунчика». И еще — Раймонда, будто выросшая из сверкания и блеска партитуры Глазунова. И Царь-Девушка из «Конька-Горбунка». Репертуар Улановой напоминает о том, что в наши дни всякий уважающий себя академический театр должен располагать большой «классической коллекцией». Классические роли, исполненные Улановой, различны. Одинаково лишь ее отношение к сокровищам русского балетного театра. Они всегда живы, если их беречь и множить, а не разрушать как якобы «отжившее». Идеи добра, правды, человечности, завещанные нам великими классиками хореографии, торжествуют и утверждаются улановским искусством.

Это искусство не чуждо конфликтов, не боится высот трагедии, ибо всегда и обязательно выведено в гармонию.

Оттого, наверно, улановский спектакль никогда не вызывал депрессии, душевной подавленности, ощущения безысходности, весьма нередких в нынешнем балетном театре. Сдвигалась парча занавеса. Выходила, едва улыбаясь и словно прячась за своими партнерами, балерина — выходила так, будто скандированное «У-ЛА-НО-ВА» и водопад цветов в луче прожектора адресованы совсем не ей... По ту сторону занавеса гнила Жизель, замертво падала от пули Тао-Хоа, умирала Джульетта. И в веренице смертей царило сознание бессмертия и победы над тленом. Сознание, дарованное немногим художникам.

Долг художника. Уланова редко произносит слово «долг». Еще реже — слово «вдохновение». Значительно чаще услышишь в ее устах слово «работа». В это понятие вложено все.

Работа — ежеутренняя работа у станка и на середине, классический тренаж, который обязателен с первого дня, проведенного в школе, до вечера последнего выступления на сцене.

Работа — труд отделки приготовленных партий, их шлифовки, их усвоения. Работа — подготовка новых ролей в часы репетиций. Работа — труд мысли, души, чувства — труд созидания характера, воли, выдержки, власти над собой, самообладания, без которого не родилось бы искусство Улановой.

С первых шагов перед ней были высшие образцы служения балету — ее отец Сергей Николаевич Уланов, всеми уважаемый режиссер Кировского театра в Ленинграде, ее мать Мария Федоровна Романова — известная танцовщица и замечательный педагог, первый учитель своей девятилетней дочери, Агриппина Яковлевна Ваганова — чей класс окончила Уланова в школе, чей класс она посещала балериной.

Разговоров о долге не вели. Надо! И в голодном, промерзшем Петрограде, просыпаясь в заледенелом дортуаре хореографической школы, шла на урок девочка, которая «вовсе не хотела быть балериной». Надо! И в дни летнего отпуска Уланова ни разу не пропускает станок... Надо! Не было случая, чтобы Уланова позволила себе нередкие нынче «премьерские капризы»...

Понятие творческого долга не подлежит обсуждению. Оно необходимо всем — и мастеру, и дебютанту.

Уланова относится к молодежи удивительно. Тут соединяются беспристрастность и заинтересованность. Щедрость внимания, та «оптимистическая предположка», с какой смотрит Уланова на новых исполнителей. И чувство справедливости, которым определена ее деятельность во главе жюри крупнейших международных конкурсов. И — требовательность мастера к тем, кому танцевать завтра.

Народная артистка СССР Гаина Уланова — в числе первых деятелей искусства, удостоенных премии Ленина. Думаешь, что эта высшая честь и высшее признание заслуг выражает не только значение эстетического вклада мастера в прогресс нашего театра. Видимо, Ленинская премия предполагает соответствующие душевные, этические качества лауреата — чистоту его помыслов и устремлений, неприятие шумной рекламы. Высокие моральные критерии утверждены танцем Улановой, ее образами, ее преданностью советскому балету. Имя Улановой принадлежит миру, принадлежит, но прежде всего это имя принадлежит России. Вот почему у нас свои — патриотические — основания гордиться Улановой, балериной века.

Е. ЛУЦКАЯ.